

АБХАЗСКОЕ ПИСЬМО

(Продолжение. Начало в №№ 17, 20, 21; 22)

Правительство Берия и его преемников пошло по пути еще более радикального изменения национального состава Абхазии и переселило сюда за 20 лет, начиная с 1937 г., из 1959 г. около 100000 человек. Так, с 1936 года правительство Грузии во главе с Берия организовало мощную организацию «Абхазперсельстрой», в задачу которой входило организация массового переселения грузин на территорию Абхазии. Организация просуществовала до 1953 г. и за 17 лет своего существования неизменно изменяла этнический облик Абхазии. «Абхазперсельстрой» занималася исключительно строительством новых населенных пунктов для лиц грузинской национальности, причем последние не заплатили ни одного рубля за строительство жилых домов, в которых им предстояло поселиться». В результате переселенческих мероприятий с 1937 по 1941 год т. е. за 4 года в Абхазии было организовано 10 новых переселенческих колхозов, что составило 1614 хозяйств.

«Абхазперсельстрой» не прекратил своей деятельности даже в годы Великой Отечественной войны. Так, 2 сентября 1941 года было вынесено Постановление №1596-5 Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР «Об открытии излишних несвоинских земель от 12 колхозов Абхазской АССР и передаче их вновь организованным колхозам из переселенческих хозяйств».

Исходя из другого постановления СНК Грузинской ССР за №1696 от 29 апреля 1942 года СНК Абхазской АССР вынес постановление, в котором предусматривалось утверждение плана строительства жилых домов для переселенческих колхозов в объеме 1 млн. 510 тысяч рублей. На приобретение скота для земледелия для переселенцев выделялось 824 тыс. рублей. Согласно плана кредитования производство - хозяйство по строительству переселенческих колхозов в Абхазской АССР выделялась сумма в 517 тысяч рублей.

Таким образом, план общей суммы расходов для переселенцев только на 1942 год составил 2 млн. 851 тыс. рублей. Для строительства переселенческих колхозов во II и III кварталах 1942 года Госплан при СНК Абхазской АССР был обязан выделить 1000000 шт. кирпича, 1700 куб. м. плитоматериалов, 50.000 тонн цемента, 350.000 дранки, 180.000 шт. черепицы.

Такие затраты требовались для жизнеобеспечения 526 хозяйств, которых появились в Абхазии. Здесь данные только одного года войны - 1942-го, а ведь этот процесс не прерывался во все годы войны.

И в послевоенные годы правительство Грузии тратило на эти мероприятия огромные средства и большие материальные ресурсы и занималось благоустройством грузинской нации, в то время, когда вся страна направила все силы и возможности и в невыносимых условиях осуществляла восстановление разрушенных воинской городов и сел. Города Белоруссии, Украины, Молдавии, Центральной России и Северного Кавказа, в это время лежали в развалинах, и каждый кирпич, каждый килограмм цемента был на вес золота.

Целые грузинские села размещались среди компактных масс абхазского народа с преднамеренной целью — создать анклавы с грузинским населением, которые должны были стать опорными пунктами и источниками плачущих ассимиляционных процессов. К 1970 году грузинское население на одиноком квадратном километре в пять раз превышало общесоюзный уровень.

С той же тщательной продуманностью обеспечивается дальнейшее «демографическое освоение Абхазии» и в настоящий время под различными «благовидными» предлогами, как «укомплектование обслуживающим персоналом», «набор рабочей силы», «ударные стройки», что привело к перенаселению автономной республики: число жителей на один квадратный километр в пять раз превышает общесоюзный уровень.

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Целенаправленная работа, проводимая на протяжении десятков лет и издревле направленная на радикальное изменение национального состава Абхазской АССР, на «гурганизацию» привела уже к «презывальному» уплотнению населения автономной республики высокому проценту (24%) не занятого в народном хозяйстве трудоспособного населения проживающего в республике. Это в свою очередь повлекло за собой рост уголовной преступности в Абхазии, истинные размеры которой далеко не соответствуют официальной информации МВД Абхазской АССР, обострила также явления, как тунеядство, сенквилия, коррупция и т. д.

Но правительство Грузинской ССР продолжает наращивать темп демографического нарастания. Так, согласно известного постановления Совмина ГССР от 3 августа 1976 года № 533, утвержденного проекта «Грузинстроектреста» — «Основные положения схемы районной планировки Абхазской АССР» — в 1980 году в различных районах Абхазии должно было быть переселено из Грузии около 60 тысяч человек, к 1990 году — 160 тысяч человек, а к 2000 году — эта цифра должна составить 250 тысяч человек.

При наличии избыточных трудовых ресурсов в Абхазии и острой нехватке их в самой Грузии в автономную республику заводятся в массовом масштабе различные «специалисты»

В практике трудоустройства в Абхазской АССР давно появилась тенденция отдавать предпочтение лицам грузинской национальности при наборе рабочей силы на промышленных предприятиях, где руководство осуществляется директорами по национальности грузинами. Такие предприятия, как завод «Сухумприбор» (ныне Сухумского производственного объединения «Оргтехника»), Киндзейское тепличное хозяйство, Бзыбский завод железнобетонных изделий стали со существом

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ АБХАЗСКОГО НАРОДА

«грузинским» предприятиями и создается впечатление, что эти и подобные им предприятия в Абхазии существуют только, чтобы привлечь рабочих из Тбилиси, Кутаиси, Зугдиди, Ходи, Абаша, Сванети и др.

Приходится говорить о нарушении руководителями этих (и не только этих) предприятий Основного Закона страны — Конституции СССР, гарантировавшей право на труд в любом регионе и каждому гражданину, а значит — не грузинам в Абхазии.

Вот, например, положение которое сложилось на одном из крупнейших предприятий Сухуми — «Сухумприбор». Из общего числа работающих на этом заводе грузины составляют 62%, абхазы — 10%, армяне — 6,5%, русские, греки и другие группы населения вместе — всего 21,5%.

Появляется и другая сторона этой демографической политики — создание в Абхазии промышленных предприятий, не взирая на то, что это пагубно влияет на уникальную природу Абхазии, уменьшая ее зеленую зону и разрушая здесь экологическую среду, которая уже понесла невосполнимый ущерб. Но строительство промышленных предприятий продолжается, так как оно «служит» надежным оправданием той демографической политики, которая продолжается в течение 50 лет.

При острой нехватке в Абхазии благоустроенного жилья для присылаемых сюда специалистов целевым назначением строятся квартиры, которые предоставляются им с нарушением всех норм жилищного законодательства. Жилищный кодекс Грузинской ССР 1983 года не предусматривает разработку и утверждение единого «Положения о взятии квартирного учета граждан и распределении им жилой площади в Абхазской АССР», и это дает возможность на протяжении вот уже несколько десятков лет беспрепятственно вне очереди обеспечивать жилой площастью минимум жильем лица, состоящие в горисполкомах (г. «Советская Абхазия» от 15 января 1985 года). И это в то время, когда в Сухуми до сих пор не обеспечены благоустроенным жильем лица, состоящие в горисполкомах на очереи с 1957 года, семьи многих инвалидов Великой Отечественной войны, погибших воинов-освободителей (г. «Советская Абхазия» от 2 апреля 1987 г.).

Непомерное уплотнение населения автономной республики выходит далеко за рамки чисто национальной проблемы. Оно уже повлекло за собой целый комплекс других, не менее сложных проблем: экономических, экологических, социальных — психологических, культурных, правственных и ряда других новых для нас сегодня проблем.

Соответственно шел и другой процесс национализации сокращения численности абхазского населения. В период берназинии в Абхазии господствовало два метода к достижению этой цели: физическое уничтожение (генocide) и национальная ассимиляция.

Например, абхазскому населению Гальского района было предложено поставить

Грузинской ССР и утвержденное постановлением Совета Министров ГССР по «Грузинстроектресту» с Совинформбюро Грузии от 2 сентября 1985 года дают большой простор вынужденному злоупотреблению в Абхазии.

Весьма печальным, но убедительным примером беспредметного, как это правило практиковалось меныциками, управления Абхазией из Тбилиси является Распоряжение № 540-р от 19 апреля 1982 года, подписанное Председателем Совета Министров Грузинской ССР: «В целях применения и закрепления на строительствах Живинской, Варницкой и Худонской ГЭС, квалифицированных кадров строителей и механизаторов и обеспечения ввода в действие этих объектов в XI и XII пятилетках разрешить введение».

— trustee «Грузгидроэнергострой» предстоит жилую площадь в городах Сухум, Кутаиси, Чхалтури, Михети и Душети семьям вновь принятых на работу переведенных квалифицированных рабочих и ИТР, имеющим прописки в этих городах, а также семьям квалифицированных рабочих и ИТР, непременно проработавших в системе треста «Грузгидроэнергострой» свыше пяти лет;

— Сухумскому, Кутаисскому, Чхалтуберскому горисполкомам, Михетскому и Душетскому горисполкомам прописать семью указанных выше категорий работников, которая будет представлена в ведомственных жилищных долях «Грузгидроэнергостроя» и выдана им ордерами».

Этот документ свидетельствует о том, что руководящие круги Грузинской ССР желают вообще считаться с фактом существования Абхазской АССР, которая имеет свое правительство, Верховный Совет и с тем что в автономной республике живущая проблема является одним из самых острых социальных вопросов. Правительство Грузинской ССР, в данном случае, рассматривает Абхазию так же, как любой другой административный район Грузии и в этом отношении его действия являются прямым проявлением политики беспредметного управления, проводившейся в свое время меныциами в отношении Абхазии.

В соответствии с подобными распоряжениями Совета Министров Грузинской ССР «Грузгидроэнергострой» разрешает строительство ведомственных жилых домов и предоставление квартир в городах Сухуми, Гагра, т. е. 130—200 км от места работы этой категории работников именно в зоне курортов и столицы Абхазии, минуя находящиеся в самой Грузинской ССР Батуми, Поти, Зугдиди, Кобулети и др. Применяя многим из приезжающих в Абхазию, в качестве поощрения разрешено сохранять за собой свои прежние квартиры в Тбилиси.

Между тем решениями директивных органов Грузии и Абхазии в 1985 году только по линии местных Советов в городах Сухуми, Гагра, Пицунда, Гудаута должны были быть снесены все имеющиеся там бараки и подвалы, помещения и более 1200 семей, проживающих в тяжелых условиях должны быть переселены в благоустроенные квартиры вне очереди, существовавший в горисполкомах газ. (г. «Советская Абхазия» от 15 января 1985 года). И это в то время, когда в Сухуми до сих пор не обеспечены благоустроенным жильем лица, состоящие в горисполкомах на очереи с 1957 года, семьи многих инвалидов Великой Отечественной войны, погибших воинов-освободителей (г. «Советская Абхазия» от 2 апреля 1987 г.).

Непомерное уплотнение населения автономной республики выходит далеко за рамки чисто национальной проблемы. Оно уже повлекло за собой целый комплекс других, не менее сложных проблем: экономических, экологических, социальных — психологических, культурных, правственных и ряда других новых для нас сегодня проблем.

Соответственно шел и другой процесс национализации сокращения численности абхазского населения. В период берназинии в Абхазии господствовало два метода к достижению этой цели: физическое уничтожение (генocide) и национальная ассимиляция.

Например, абхазскому населению Гальского района было предложено поставить

АБХАЗСКОЕ ПИСЬМО

паспортов в графе «национальность» — «абхазы». И тогда открывалась для них дорога для учебы, карьеры, материального благополучия.

В научной литературе подобные лезвия подпадают под понятие «генопид». Однако ни один человек, принимавший участие в этом преступлении против абхазского народа не понес наказания.

Был еще один «официальный» путь сокращения числа лиц абхазской национальности — это исключение данных переписи разных лет ЦСУ Грузинской ССР, где уже не было отражено множество абхазов. Это практика берет свое начало с 20—х годов, на что указывает письмо С. П. Басарии, адресованное Н. А. Лакоба в 1927 году. С. П. Басария, отправленный в качестве «эксперта-абхазоведа» в ЦСУ Грузинской ССР в Тбилиси, был вынужден констатировать факты неправильных действий при определении национальной принадлежности жителей Абхазии, во времена переписи 1926 года, доходивших до полного игнорирования оправдываемых, которые удостоверяли свою принадлежность к абхазской нации. Породило его и стремление грузинских официальных деятелей того времени, работников ЦСУ и других учреждений умозаключать о существовании абхазов как коренного населения своей страны Абхазии. Эта политика имела свое продолжение в последующие годы и продолжается в наши дни.

Несколько концепций результатом здесь могло быть только одно: создание абсолютно большинства грузинского населения в Абхазии и соответственно снижение численности абхазского до минимума. Грузинские учёные правополе уже строят прогнозы относительно будущего Абхазской АССР. Вначале, когда статистики в олимпиатических тонах, что абхазы и грузины очень близки между собой, что в результате их взаимного влияния «выработались общие черты» и потому «Советская Абхазия с самого начала была теснейшим узлом связи в Советской Грузии», как неотъемлемая часть...

И приходит к выводу о том, что «...из национальности (абхаза), которая давала право вновь созданной части страны, составлять не может одной шестой части населения республики. В Советском Союзе нет другой такой автономной республики, где ее национальность составляла бы 15% населения». (А. И. Менабега. Некоторые вопросы развития грузинской национальной государственности. Тбилиси, 1970 г., стр. 138—142).

Здесь создается впечатление, что само существование Абхазской АССР является чем-то ненормальным и что, дескать, она возникла и существует исключительно благодаřи добре всего грузинского народа. О причинах того, как произошло, что абхазский народ, давший автономную республику свое имя, в насточное время составляет 15% ее населения, автор предполагает умалчивать. Это можно определить как уединение, грозящее таким «ненормальным» положением вещей, а потом может быть призвано исправить такую « ошибку? » Все это попыт — хорошо забытое старое. Такие под啜ечки вились еще ультонационалистами, о которых говорил Г. К. Орджоникидзе на IV съезде КП Грузии в 1925 году. «В Абхазии все занятия подчинены панян пропаганде населения какой-либо национальной, какой процент. На этом основании кого-куда кажется незаконным само существование Абхазской автономной республики (стенографический отчет IV съезда КП Грузии, Тифлис, 1925 г., стр. 33).»

В результате вышеизложенных злоупотреблений все более проблематичным стало установление числа абхазов в СССР. Судя по данным переписи 1970 года, число абхазов сократилось почти на 27 тысяч человек, по сравнению с данными 1916 года, которые определились в Кавказском календаре как 111,780 человек. В связи с этим возникла ряд вопросов, на которые официальные круги Грузии рано или поздно придется ответить:

1. Как могло случиться такое, что число абхазов за годы Советской власти сократилось почти на треть своего состава по сравне-

нию с дореволюционным периодом? Такое сокращение должно было быть вызвано или масштабами эпидемических болезней или недостаточностью средств существования; или еще другими причинами.

2. Можно ли такое положение рассматривать как «рас贬值» и «благоденствие» абхазской нации и победу ленинской национальной политики; проводимой Компартией Грузии в Абхазской АССР?

Одним из объектов экспансии грузинского национализма стал абхазский язык, который является одним из самых важных элементов самосознания народа. Тенденция к установлению гегемонии грузинского языка в Абхазии зародилась еще в начале века, когда согласно программе националистических партий Грузии, призывающих к защите «грузинского языка», грузинское духовенство и чиновничество признались наставлять этот язык в христианских общинах Абхазии. О том говорилось в начале этого письма.

Агрессивная политика в отношении абхазского языка была продолжена меньшевистским правительством Грузии, которое объявило грузинский язык официальным языком и языком делопроизводства на территории оккупированной Абхазии. Абхазская письменность была объявлена «мимикой азбукой», «сызмакой русских чиновников» и становилась вопросом ее ликвидации. Всикие выступления на официальных собраниях разрешались только на грузинском языке. Меньшинки спешали также покончить с влиянием русского языка в Абхазии.

После победы Советской власти в Грузии это способствовало эстафете по установлению гегемонии грузинского языка не только в ССР Грузии, но и в самостоятельной независимой ССР Абхазии перевехали националистические элементы в ЦК КП (б) Грузии.

Также на следствии КП (б) Грузии, который начал свою работу 23 января 1922 года, т. е. спустя месяц после подписания союзного договора между ССР Абхазией и ССР Грузией (16 декабря 1921 г.), обнаружилось пополнение поставить грузинский язык в привилегированное положение в Абхазии. Касаясь этого вопроса, Г. К. Орджоникидзе был вынужден заявить: «Если грузины хотятести свои дела на грузинском языке, то разрешите и армянам и абхазам вести дела на родном языке».

В первом Конституции Абхазии (1925 г.) языком государственных учреждений был признан русский язык, что отвечало насущным требованиям национальной ситуации в Абхазии. Русский язык являлся здесь языком межнационального общения доступным и понятным всем без исключения народам и этническим группам, проживавшим в Абхазии. Это свидетельствовало о том, что абхазский народ не намерен ставить свой язык в привилегированное положение в ущерб другим языкам.

В Конституции ССР Абхазии получило также свое закрепление право свободного разговора и употребления родного языка для всех национальностей как «в своих национально-культурных, так и общегосударственных учреждениях».

Однако данное положение не пришло по душе националистическим элементам из ЦК КП (б) Грузии, которые повели масштабную атаку на языковую политику правительства Советской Абхазии и абхазского народа. И июля 1925 г. ЦК КП (б) Грузии попытался оказать давление на Абхазский ревком КП (б) Грузии и принял постановление, в котором говорилось: «Абхазскому ревкому принять меры к урегулированию вопроса о языке сношений абхазских республиканских органов с уездами, преобладающим население которых состоит из грузин и другого национальности Абхазии (примерно, «альский уезд»).

Абхазский ревком КП (б) не поддался такому грубому давлению и Указом Президиума обкома от 13 августа 1925 года, впервые указавшим ЦК КП (б) Грузии, оставил в качестве языка делопроизводства в Абхазии русский язык.

ЦК КП (б) Грузии не премедлил сreakишей на это решение Абхазского обкома и

обратился в Закрайком ВКП (б) в сентябре 1925 г. откуда вскоре последовало строгое распоряжение: «В целях урегулирования на инонационального вопроса: разработать на основе существующих декретов Зак. ЦИКА и Груз. ЦИКА проект о применении языков и предметов на обсуждение в ЦК КП (б) Грузии».

Если учитывать, что в самостоятельный еще в то время союзной республике Абхазии стоявала Конституция 1925 г., гарантировавшая ей самостоятельность в решении подобного рода вопросов, то в данный момент ССР Грузии через свою партийную организацию и через Законодательное Собрание на партийные органы и советские органы ССР Абхазии, чтобы заставить последнюю «в партийном порядке» принять те или иные решения, а в данном случае диктовать свои условия в отсутствии применения языков,

Воодушествленные таким успехом, грузинские националисты готовили проект установления господства своего языка в Абхазии, называя ее Конституцией Абхазии статью, объявлявшую русский язык языком делопроизводства в ССР Абхазии. Об этом свидетельствует речь Г. К. Орджоникидзе на IV съезде КП (б) Грузии, который, отклоняя такое предложение, заявил: «Если мы там (в Абхазии) проведем грузинский язык, то будет недовольство все прочие национальности, то же самое в отношении абхазского и русского языков». В этом рассуждении Орджоникидзе содержалась очевидная опасливость последовательности, потому что вопрос об абхазском языке как языке делопроизводства в конституционном порядке вообще никем не поднимался. Что же касается русского языка, то его положение в качестве языка делопроизводства не вызывало никаких возражений у представителей всех национальностей, проживающих в Абхазии, кроме как со стороны грузин.

В течение почти двух лет — с 1925 по 1926 годы ЦК КП (б) Грузии не выпускал из поля зрения проблемы языковой политики в ССР Абхазии, пока не обдали ее решения в пользу грузинского языка. В результате такого национального правительства ССР Абхазии было вынуждено внести в многострадальную конституцию Абхазии 1927 г. еще одну поправку, где говорилось, что языками государственных учреждений Абхазии должны быть абхазский, грузинский и русский. Здесь необходимо констатировать тот факт, что абхазский язык в качестве языка делопроизводства — как это явствует из вышеизложенного, не выдвигался и ни когда не назывался ни абхазским народом, ни его представителями. Он находился в грузинских националистах лишь как сопутствующее обстоятельство, которое давало возможность оправдать включение грузинского языка в ряд языков делопроизводства в ССР Абхазии. Нирорование абхазского языка, коренного местного языка Абхазии, в этом случае было бы слишком вызывающим актом и могло скомпрометировать идею введения грузинского языка в качестве языка официальных учреждений в ССР Абхазии. Но на это все завершилось только первым этапом борьбы грузинского национализма за заслободавшее влияние грузинского языка на территории Абхазии.

На втором этапе ставилась задача, при решении которой учитывалось, что-то в силу стоящей малонаселенности и необходимости развязия своей национальной культуры, науки и просвещения, которая не могла происходить в изоляции от достижений других народов на нашей стране, а также достижений мировой культуры, абхазия всем ходом своей истории должны были прийти к естественному bilingualизму, т. е. двуязычию. После установления (вернее — восстановления в 1921 г.) Советской власти в Абхазии, здесь были созданы предисловия абхазско-русского двуязычия и, как у всех народов СССР, этот процесс носил добровольный, ни в коей мере не насилиственный характер. Русский язык стал языком международного общения в Советской Абхазии, традиции которого были заложены в дореволюционное время, поскольку языком официальных учреждений дореволюционной Абхазии был русский язык.

(Продолжение следует)

